

- Простите, София, а у вас нет с собой фотографий вашего отца? – мягко прервала меня хозяйка дома.
 - Да, конечно, – ответила я, достала свой мобильный телефон, нашла фотографии папы и протянула их Марии.
- Она внимательно разглядывала фото и тихонько нежно что-то шептала по-польски.
- Знаете, Ларс, не могу себе простить, что тогда не выполнила просьбу отца и не отвезла его во Францию, – обратилась я Ларсу, боясь потревожить Марию. – Потом папа заболел и умер.
 - Ничего, скоро я приду к своему Базылю, и Великая Богиня Фрея соединит нас опять в своем прекрасном замке Сессрумнир, – спокойно и радостно произнесла Мария. – Наверное, не только я, но и моя прапрапрабабушка была женой викинга, ведь я не боюсь смерти, боюсь потерять человеческий облик и стать в тягость всем и себе. Когда я была совсем маленькой, рядом начали умирать знакомые дедушки и бабушки с соседних ферм. Взрослые мне что-то ввали, но я догадалась, в чем дело, и придумала, что я маленький воин с копьем наперевес, и если что, то я просто так не дамся, а потом

выяснилось, что копье годится еще много для чего. Простите, София, я очень устала и хочу побыть одна со своими воспоминаниями. До свидания, я и Ларс всегда будет рады видеть вас в нашем доме. Да, возьмите свой телефон и пояс.

Мария опустила руки на колени и закрыла глаза. А мы с Ларсом молча вышли из дому и побрели вверх по улочке Христиании. Шли молча, каждый думал о своем. Навстречу нам попадались редкие прохожие, равнодушно кивавшие головой Ларсу. Так мы добрались до ворот с надписью «Выход в реальность».

- Здесь граница между Христианией и Копенгагеном. Я рад вам, Софи! Вы приехали в Копенгаген и нашли здесь свою персональную сказку для взрослых. Почему-то я уверен, что завтра вы летите в Лондон, где вам надо обязательно встретиться с Джекобом Петрофф. Я позвоню ему и попрошу рассказать побольше о поясах и ведуньях-пряхах. До свидания, ждем вас с мамой в гости. – Ларс протянул мне на прощание картонный квадратик с телефоном Джекоба.

Я же не удержалась и обняла его, вытерла выступившие на глазах слезы и быстро пошла по направлению к метро. «Интересно, как он догадался, что завтра я лечу в Лондон?» – совсем не удивившись, подумала я.

Картинка 21. Слоеный пирог

Маршрут: салон самолета – «Тауэр» – Гринвич – Вестминстерское аббатство и часовня Св. Георгия – магия растений – Боро-маркет

Откинувшись на спинку кресла самолета британской авиакомпании, я смотрела в окно на густой ковер облаков и думала о том, как мало мы знаем о жизни своих близких вне семьи и дома. Мое путешествие с «гадючим» поясом рассказало мне о моем отце и семье больше, чем все мое детство, проведенное под крышей родительского дома. Да, надо обязательно бывать в тех местах, где прошла жизнь твоих родителей, встречаться и разговаривать с людьми, которые их знали, пока они еще живы, и тогда пояс твоей собственной судьбы станет для тебя более понятным. В этих путешествиях и встречах мы находим ключи к самому себе. Вдруг вспомнилось, как перед самым отъездом из Гомеля я споткнулась и упала прямо на улице. Правое колено болело нестерпимо, распухло и меняло цвет прямо на глазах. «Неужели перелом?! Надо сделать рентгеновский снимок!» – подумала я тогда и поковыляла в поликлинику. Снимок был сделан, и я ожидала в коридоре результатов. Из рентген-кабинета вышла немолодая женщина в белом халате и направилась ко мне.

– Здравствуйте, а я вас знаю, Софья Васильевна, хотя лично мы никогда не были знакомы. Вы дочь моего учителя Василия Николаевича, и ваша фотография всегда стояла на его рабочем столе, – произнесла она. – Удивительный человек был ваш отец! Потрясающий врач-рентгенолог! Сейчас таких специалистов уже нет. Вся жизнь проработал в онкологии. Это сегодня есть магнитно-резонансные и компьютерные томографы, а 40 лет тому назад, чтобы правильно поставить диагноз, рентгенолог работал непосредственно у больного под жесткими рентгеновскими лучами, наблюдая в маленький экранчик рентгеновского аппарата, что происходит в организме человека. Когда я рассказываю своим студентам о том, что врач-рентгенолог не сидел удаленно в полностью экранизированной от излучения комнате, а был рядом с пациентом, защищенный лишь свинцовым фартуком, они смотрят на меня как на сумасшедшую. Ваш отец был очень добрым человеком и никогда не мог отказать больному в помощи, поэтому делал обследований обычно в два раза больше, чем было положено. Я помню его бронзовые, покрасневшие от радиационного загара руки.

И еще он очень любил вас и гордился вами... Извините, но когда я прочитала вашу фамилию и от-

чество, я подумала, что, возможно, вы дочь Василия Николаевича, и мне захотелось с вами познакомиться, вспомнить о вашем отце... Да, перелом у вас нет, просто подержите лед и старайтесь не перегружать ногу. До свидания. – Доктор протянула мне белый листок с медицинским заключением и ушла.

А я так и осталась сидеть, не успев вымолвить ни слова. Что мы знаем о своих родителях? Какими они были в жизни вне дома? Оказывается, мой папа хранил мою фотографию у себя на работе, а мне казалось, что он все время занят и ему нет до меня никакого дела. Каждый день он совершал подвиг, спасая людей и рискуя своим здоровьем. У него страшно болели руки, покрытые радиационными ожогами, а он никогда не жаловался. Зато я постоянно обижалась на него за то, что он не играл со мной и не читал мне сказки. Детские обиды, как они коречат психику и влияют на судьбу человека! Прости меня, папа!

– Я вот тоже смотрю на эти облака, которые наш самолет, движущийся со скоростью 900 километров в час, медленно и с трудом обгоняет, и думаю о том, что находимся мы над Землей, несущейся с чудовищной скоростью во Вселенной, – услышала я приятный мужской голос, прервавший течение моих мыслей. – Вы летите в Лондон? Хотя, конечно, идиотский вопрос, ведь выйти на остановке из самолета нельзя. Да, чем выше скорость, тем меньше вероятность без катастрофических последствий изменить маршрут. Меня зовут Гарри, прошу не путать с королевским внуком, хотя я тоже в прошлом военный летчик.

– Очень приятно, меня зовут Софи, и я лечу в Лондон, – ответила я своему соседу по креслу, обрадовавшись возможности поболтать и скоротать предстоящие два часа полета.

– Впервые летите в столицу Соединенного Королевства? – продолжил разговор мой новый знакомый.

– Нет, но последний раз в Лондоне была двадцать лет тому назад. Наверное, он очень изменился, могу не узнать, – ответила я.

– Конечно, изменился, появились «Терка», «Уоки-токи», «Корнишон», «Осколок стекла» и «Лондонский глаз», а «Тауэр», Букингемский дворец, Вестминстерское аббатство и Виндзор на месте, – скороговоркой продолжил он.

– Ничего не поняла из первой части вашего предложения, – растерялась я.

– О, это очень просто, «Терка» – это небоскреб «Лиденхолл», его так окрестили лондонцы за

то, что по внешнему виду это здание напоминает терку для сыра. «Уоки-токи», или «Рация», – это тоже высотное здание, построенное в 2013 году в лондонском Сити, кстати, со стеклами на этом здании так нахимичили, что солнечные лучи, преломляясь в них, плавают машины, стоящие вокруг. «Корнишон» – это такой огромный зеленоватый сорокаэтажный «огурец» в том же районе, хотя официально он именуется башня «Мэри-Экс». «Осколок стекла», или «Шард», – это здание выше 300 метров у Боро-маркета, а «Лондонский глаз» – огромное колесо обозрения на южном берегу Темзы, поставили временно, как, впрочем, и когда-то Эйфелеву башню, ну и история опять повторяется, теперь будет стоять долго и стало символом Лондона для туристов, – слегка язвительно болтал Гарри.

- Да, судя по названиям, лондонцы не очень жалуют небоскребы, особенно в центре Лондона, что, в общем-то, неудивительно, – улыбнулась я, вспомнив, как москвичи называют высотные здания, построенные в последние двадцать лет в Москве, из которых «Карандаши» было самым цензурным.
- К хорошим новостям, – абсолютно серьезно уточнил Гарри, – относится то, что «Тауэр», как и почти тысячу лет назад, находится на месте, и вороны величественно вышагивают по его зеленым лужайкам.
- Да, я помню эту легенду, что пока живы тауэрские вороны – жива Англия, – решила я блеснуть своими познаниями истории.
- Учитывая, что основателем «Тауэра» считается Вильгельм Завоеватель, или Гильом Бастард, единственный и незаконнорожденный сын правителя Нормандии – Роберта Дьявола, принадлежавшего к нормандской династии, то легенда о воронах, скорее всего, связана с германско-скандинавской мифологией. Ведь верховным богом норманнов, или викингов, был Один, и его сопровождало два ворона, так что вороны – это птицы бога викингов, или королевские вороны. И легенда гласит о том, что пока живы тауэрские вороны – жива монархия, ведь все английские королевские династии, включая ныне существующую Винздорскую, имеют единого предка Вильгельма Завоевателя, – спокойно и четко, как заправский гид, отчеканил Гарри.
- В Копенгагене мой друг Ларс, большой знаток быта данов, рассказал мне, что жены викингов, ожидавшие своих мужей из походов, очень боялись прилетающих воронов и всегда кормили их

лучшим мясом, чтобы откупиться от беды и плохих вестей, – продолжила же.

- О, тауэрских воронов тоже кормят отборным мясом, они имеют имена норманнских и кельтских богов и всем своим величественным видом вызывают такое уважение у окружающих, что так и хочется обратиться к ним «сэр». И потом, по сути вы верно подметили, для нас, англичан, монархия и Англия неразрывно связаны между собой пока жива монархия – существует Соединенное Королевство. Мы искренне любим Ее Величество Елизавету II, Божьей милостью Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и иных ее владений и территорий Королеву, Главу Содружества и Защитницу Веры, – без запинки отрапортовал мой попутчик.
- Потрясающе! – воскликнула я.
- Мы, жители Соединенного Королевства, чтим традиции и стараемся не разрушать свои корни, в том числе и нормандские. Вы, конечно, знаете, что часовня Святого Георгия в Винзоре – это орденовая церковь, где за каждым рыцарем Благороднейшего ордена Подвязки закреплено место, а под сводами можно лицезреть рыцарские гербы. Во дворце бога Одина у каждого павшего в бою было свое место, копьё и меч.
- Во многих храмах, особенно Северной Европы, щиты и гербы славных родов находятся внутри храмов. Хотя, насколько мне помнится, кавалерами ордена Подвязки после XVI века все больше становились дипломаты, а не воины. Меня поразило расположение портретов в зале Ватерлоо Винздорского замка – в самом центре портреты королей и дипломатов, а портреты выдающихся полководцев – по углам. Так что нормандские традиции воинства сильно трансформировались за последние пятьсот лет в традиции английской дипломатии, – вспомнила я факт, почему-то поразивший меня двадцать лет тому назад.
- Знаете, Соединенное Королевство и его столица Лондон напоминают мне этакий слоеный пирог, состоящий из различных эпох, традиций и культур, которые до сих пор существуют и практически не смешиваются друг с другом. Вы меня понимаете? – воскликнул Гарри.
- Конечно, выпускник Кембриджа не будет общаться с жителями бедных и опасных юго-восточных районов Лондона. Я понимаю, – буркнула я.
- В общем-то, правильно, хотя есть места, куда приходят жители из любого слоя «английского пирога». Очень рекомендую в субботу посетить Боро-маркет и отведать настоящих английских

пирогов и, конечно, встретиться с представителями практически всех социальных слоев и культур, не побоюсь этого слова, нашей планеты. О, загорелось табло «Застегнуть ремни», похоже, скоро будет Гатвик. Мы остаемся в восточном полушарии и Гринвич не пересекаем. Не люблю я на самолете шляться через Гринвич!

– Почему? – удивилась я, вспомнив металлическую полосу, проходящую по мощеному двору и под стеной старого здания Королевской обсерватории, разделяющую Восточное и Западное полушарие, откуда велся отсчет часовых поясов.

– Вы разве никогда не замечали, что лететь на восток всегда тяжелее, чем на запад? Ведь на восток мы летим в будущее, где никогда еще не были, а когда перемещаемся на запад, то возвращаемся в прошлое, а прошлое мы уже пережили. Так что Гринвичский меридиан – это единственное, можно сказать, место между прошлым и будущим. И в этом тоже символизм Лондона – города, который существует исключительно в настоящем.

Наш разговор прервал толчок от касания шасси о посадочную полосу, с натугой зашумели двигатели, и самолет благополучно приземлился в аэропорту Гатвик. Сняв с багажной ленты свой многострадальный чемодан, я направилась согласно указателям к железнодорожному экспрессу до станции Виктория. Это самый удобный и быстрый путь к историческому центру Лондона. На вокзале Виктория я все же взяла знаменитый английский кэб для себя и своего чемодана и двинулась в район Менда Вейл, или, как его еще называют «маленькая Венеция». Здесь у берегов многочисленных каналов были пришвартованы живописные баржи с часто встречающимися изображениями Веселого Роджера, возможно, здесь до сих пор живут потомки пиратов и любителей морских приключений. Вокруг каналов простирались многочисленные частные сады и скверы. Да-да, не удивляйтесь, именно частные. Казалось бы, огромный город – камень один вокруг, ан нет, каждый клочок земли бережно сохраняется и возделывается жителями Лондона.

Знаменитые английские сады – естественные и мягкие, где не ощущается активное вмешательство человеческих рук. В них как будто сама природа работает садовником. Возможно, умение управлять миром не только силой, но и при помощи искусства преподнесения своих интересов как необходимых и приемлемых для других англичане унаследовали от друидов, владевших магией растений. А оттачивалось и поддерживалось это искусство дипломатии в том числе и кропотливой работой в саду.

Хотя это не только английская традиция, ведь когда я в своей работе захожу в тупик и не могу принять правильное решение, а в голову приходят только какие-то обрывочные и корявые мысли, я иду подпитываться мудростью в сад. Встаю, включаю компьютер, иду в сарай, надеваю рабочий халат, перчатки, резиновые калоши и шляпу, беру корзинку с садовыми инструментами, грабельки, тяпку и направляюсь к самой заросшей и запущенной клумбе. Смотрю на нее и вижу: так, вот разрослась полынь и душист гортензию, а ведь еще неделю тому назад полынь стремилась вверх, росла себе за старым яблоневым корнем, и ничего не предвещало, что она быстренько переползет на клумбу и начнет заслонять цветущий куст. Обнаглела ты, соседка-полынь, и решила пожить на моей грядке.

Так, стоп, очень интересная мысль. Значит, кто-то обнаглел и угрожает моим интересам! Ну что ж, возьмем тяпку, выгоним полынь на ее прежнее место за яблоневым корнем и спасем гортензию. Для того чтобы в мире что-либо изменилось, надо в буквальном смысле возделывать этот мир своими руками. С полынью покончено, сухие листья с гортензии обрезаны, земля вокруг куста окучена и полита. Возвращаюсь в кабинет, и правильное решение приходит само – ясно и четко. Строчки ложатся быстро и ловко, слова помогают друг другу, проявляя и созидая будущие события.

Я привыкла к магии сада с детства. Когда я родилась, мой дед посадил яблоню. В саду было двенадцать яблонь и груш, каждое дерево имело имя, причем десять из них были посажены в дни рождения членов нашей дружной семьи, а два дерева дедушка и бабушка высадили в честь себя самих. Утром бабушка выходила в сад пообщаться с деревьями: то слишком много яблок на ветке – надо сук подпереть; то деревце плохо плодоносит – надо привить; то гусеницы напали на листочки – надо уничтожить этих толстых и волосатых, пока не сожрали все; и, конечно, окучить, подкормить, полить и погладить ласково кору каждого дерева...

Многое бабушка знала наперед о своих детях и внуках и старалась защитить их и смягчить удары судьбы. То заболела внучка, чью антоновку одолевали гусеницы, но все обошлось, поскольку чудесным образом дежурил в больнице в ту ночь доктор-кудесник... То младший внук, у белого налива которого ветку подперли, получил удар коньком на тренировке по голове, но шлем смягчил удар... То малиновка привитая начала плодоносить, значит, слава богу, младшая дочь, наконец-то скоро за-

муж выйдет и малыша понесет. С детства я помнила бабушкины слова: «Мы, женщины, обладаем особой магией, дарованной нам матерью-землей, и должны заботиться о ее детях: цветах, деревьях, кустах, растениях. И все наперед расскажет нам матушка, подскажет, какой год будет, какие события произойдут и как наших детей, дом и дело сберечь. Надо просто смотреть на растения, любить и ухаживать за ними. Цветы – для здоровья, красоты и силы, а помидоры, огурцы и лук – для прибыли и удачи».

Кэб от вокзала Виктория добрался до четырехэтажного дома с приятным внутренним двориком, фонтаном и горшками с какими-то синими цветами на крыльце. Рядом с парадным, на скамейке, сидела небольшого роста молодая женщина лет тридцати и с кем-то разговаривала по телефону. Увидев меня, она вскочила и побежала навстречу.

– Тетя Соня, так нельзя, у тебя же есть мобильный телефон, почему ты не отвечаешь на звонки?! Сначала настояла на том, что доберешься из Гатвика до моего дома сама, и не отзываешься... Я чуть с ума не сошла! Не зря тебя в детстве называли Пропажей! – почти со слезами на глазах выговаривала моя племянница Танюша, обнимая меня.

– Таточка, привет! Ты прекрасно выглядишь, прямо светишься вся изнутри! Похоже, есть что-то, чего я не знаю? – постаралась я переменить тему разговора, скрывая свою неловкость.

– Ничего-то от тебя не скроешь, тетушка! Я изменила свой образ жизни и теперь счастлива, – рассмеялась моя племянница. – Раньше я работала в инвестиционной компании практически целыми сутками. Свободного времени для себя совсем не оставалось, а если и было немножко, то я со всеми окружающими разговаривала как с клиентами. Все время что-то доказывала или в чем-то убеждала. Моя душа начала умирать, а ведь жизнь состоит не только из зарабатывания денег, в ней должна быть еще и радость. И я пошла учиться на шоколатье.

– На кого? – обалдев, переспросила я.

– На шо-ко-ла-тье, – медленно повторила Танюша по слогам. – Шоколатье – это человек, который делает все что угодно из шоколада. Я делаю конфеты и продаю их на Боро-маркете. Так что теперь я работаю офисной криветкой четыре дня в неделю, а в остальное время занимаюсь шоколадом. И счастлива! А мои новые многочисленные друзья покупают у меня конфеты для своих торжеств и подарков. Изменилась я, и преобразился мир вокруг. Он стал радостным!

– А я могу попробовать твои конфеты и понаблюдать, как ты их продаешь? – совсем растерялась я, пробубнив под нос. – Господи, это надо же было учиться двадцать лет, переехать из Москвы в Лондон, чтобы обрести счастье, став обычным кондитером!

– Конечно, завтра суббота! Мы вместе двинем на Боро-маркет к Лондонскому мосту, и ты словишь кайф! Этому наивкуснейшему месту почти 700 лет! Только подъем, чур, в шесть утра, в восемь нам надо быть за прилавком!

Ранним утречком мы загрузили бесчисленное количество коробок, коробочек и корзин в машину Танюшиного приятеля и рванули к каменному зданию с высеченными словами Borough Market. Бесконечная крыша на металлических столбах поглотила нас... Люди шли, толкали тележки, смеялись, здоровались, останавливаясь каждый у своего прилавка.

– Вот мы и на месте, спасибо за помощь. И, тетя Соня, дуй завтракать, дальше я сама!

– Может, я помогу, чем смогу?! – спросила я.

– Не-не-не, я сама. Шоколад не терпит чужих рук. Извини. Приходи часа через три, когда я закончу торговать, – развернула меня племянница и подтолкнула направо. – Иди-иди по направлению к Среднему рынку – это самое классное место!

Я сделала несколько неуклюжих шагов, глубоко вдохнула и... пошла на запах, на до боли знакомый с детства запах бабушкиного погреба, где пахло ветчиной и яблоками. За поворотом на прилавках возвышались корзины со знаменитыми яблоками из графства Kent. А дальше открывались такие картины, по сравнению с которыми натюрморты великих фламандцев были жалкими рисунками неумелого ребенка. Вниз головами висели охотничьи трофеи: фазаны, кролики, косули. Лежали тушки молочных поросят, уток и гусей. Такие картинки я видела только в знаменитой кулинарной книге «О вкусной и здоровой пище» и честно думала, что таких продуктов больше нет, а оказалось, они живут в центре Лондона! Вау!

Окончание следует.

